

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2020-2-43-52

Е. И. Анненкова¹

*Российский государственный педагогический университет им.
А. И. Герцена*

«ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ» Н.В. ГОГОЛЯ КАК ЕГО «АНТИПЕТЕРБУРГСКИЙ» ПРОЕКТ²

В статье рассматривается эволюция петербургской темы в творчестве Н. В. Гоголя, прослеживается, как от изображения фантазмагорического Петербурга писатель переходит к рассмотрению самого европеизированного города России в контексте Русского мира, также далекого пока от целостности, однако тяготеющего к Свету просвещения и сохраняющего свой потенциал преображения.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, Петербург, «Выбранные места из переписки с друзьями», авторская позиция, эволюция, христианская культура.

E. I. Annenkova

The Herzen State Pedagogical University of Russia

«THE SELECTED PASSAGES FROM CORRESPONDENCE WITH FRIENDS» BY N.V. GOGOL AS HIS ANTIPETERSBURG PROJECT

The article considers the evolution of the St. Petersburg theme in works by N. V. Gogol, shows how the writer proceeds from the image of the phantasmagoric Petersburg to the consideration of the most Europeanized city of Russia in the context of the Russian world, which is also far from integrity, but gravitating towards the Light of enlightenment and having the potential for transformation.

Keywords: N. V. Gogol, Petersburg, «The selected passages from correspondence with friends», the author's position, evolution, Christian culture.

Петербургская тема в сознании Н. В. Гоголя появилась достаточно рано – уже в силу того, что в самом конце 1828 г. он прибыл в столицу, а потом, вплоть до лета 1836 г., его жизненный путь и творческое самоосуществление оказались неотделимы от града Петра I. Но, как известно, вначале российские читатели ознакомились не с гоголевским Петербургом, а с Диканькой, затем с Миргородом. Может показаться, что лишь вслед за тем, но, на самом деле, уже одновременно с миргородскими сюжетами, в сборнике «Арабески» читатель встретился с гоголевским Петербургом – европеизированным городом Российской империи,

¹ Елена Ивановна Анненкова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы РГПУ имени А. И. Герцена.

² Работа выполнена при поддержке РФФИ (научный проект 20-012-00139)

раздробленность, фантазмагория и алогизм которого не помешали проступить в нем некоему томлению духа, проявившемуся, прежде всего, в творческих поисках художников.

Будучи обозначена уже в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки», петербургская тема и после 1830-х годов не могла исчезнуть из сознания писателя, хотя форма и степень присутствия ее в гоголевских текстах подверглась существенной трансформации. Мир Петербурга, явленный в художественных произведениях Гоголя, имплицитно присутствует в «Выбранных местах из переписки с друзьями» – прежде всего, как знак, символ цивилизации, которая (быть может, невольно для себя самой) актуализирует уже осмысленные более ранней культурой образы демона, антихриста, дьявола. В повести «Невский проспект» литературный автор, гротескно мыслящий, как бы скрывающийся за фасадом Петербурга, подглядывающий и укрупняющий то, что незаметно для других, находится, в известном смысле, вне этого города: «мириады карет», которые «валяются с мостов», его не задевают; но, вместе с тем, четкая граница между повествователем и городом не проведена, и читателю трудно понять, кому же, автору или жителям города кажется, что «сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде» (III, с. 46).

Работая над 2-й редакцией повести «Портрет», Гоголь отказывается от уподобления ростовщика антихристу (вызывающему, прежде всего, религиозные и историко-культурные ассоциации) и прибегает к другому сопоставлению, имеющему, пожалуй, наиболее универсальный, общеизвестный смысл. При виде «таинственного ростовщика» художник «невольно» думал: «Вот бы с кого мне следовало написать дьявола <...> чего лучше? он сам просится в дьяволы ко мне на картину <...> он убьет всех моих святых и ангелов; они побледнеют пред ним. Какая дьявольская сила!» (III, с. 128). Петербург, являющий мир цивилизации, оказывается городом, в чьих глубинах находит себе место демон – антихрист – дьявол. А затем в «Выбранных местах» появится фраза: «Дьявол выступил уже без маски в мир» (VIII, с. 415).

Рим же, так пленивший Гоголя, словно пребывает сам в себе, не тревожась: не «выступит» ли неожиданно, под маской или без маски, Зло как таковое. Может быть, его нет и никогда не бывает в этом Вечном городе? Или там его никто не замечает? Не потому ли художник в гоголевском фрагменте «Рим» словно не имеет своего лица: каждый может быть художником в этом мире красоты и искусства, в мире, где на одном полюсе пребывает язычество, на другом – христианство и где каждая женщина может быть моделью для художника. В этом контексте «Выбранные места», с их религиозно-этическим пафосом, предстают как создание именно русского автора [Анненкова, 2018, с. 52–62], для которого соотношение: Рим / Москва; Запад / Россия – это постоянная и, можно сказать, русская тема.

А вот столица России – самый европеизированный русский город и Невский проспект как главная его «коммуникация» словно исчезает из поля зрения Гоголя во второй половине 1840-х годов. Петербургская тема еще

будет упомянута, но она теряет самоценность, автономность, не производит впечатление новизны. Так, в «Повести о капитане Копейкине» мир столицы предстает фактически тем же, что и в предшествующих «петербургских» повестях: служба, департаменты, чиновники, портные, значительные лица, обер-полицмейстеры, журналисты, изредка художники... В мире «Выбранных мест» как будто всё те же должности, разнообразные, в том числе чиновные, лица, но понятие «своё собственное место» стало центральным: «Всякому теперь кажется, что он мог бы наделать много добра на месте и в должности каждого, и только не может сделать его в собственной должности <...> Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро» (VIII, с. 225); там – иллюзии, потрясения, болезни, которые сводят в могилу, здесь – «недуги», которые «нужны нам»; там – бедность Пискарева и Черткова, с которой они не могут духовно справиться, здесь – советы, как нужно «помогать бедным»; там – желание художников заявить о себе, здесь – насущная потребность понять, «что такое слово»; там – отсутствие церкви как органической части Петербурга, здесь – церковь, «которая вся есть жизнь» (VIII, с. 246); там периферийность русской темы, здесь – «какое-то невольное пророчество о России». Но подобные антитезы, конечно, относительны. На самом деле, то, что в «петербургских» повестях **констатировалось**² (причем эстетически блистательно, безупречно), в «Выбранных местах» становится предметом взглядывания, анализа, авторского комментирования, подчас пристрастного, тяжеловатого, то исповедально беззащитного, то проповеднически назидательного.

Создавая «Выбранные места» в своем «прекрасном далеке», Гоголь ищет меру совмещения двух взглядов на мир: извне и изнутри. Петербург был предметом внимания, рассмотрения, разъятия писателем, пребывавшим в том мире, но в нем не растворявшимся. В «Выбранных местах» Россия видится как будто со стороны, но подается таким образом, чтобы читатель увидел ее изнутри. И для автора, и для читателя изображаемое предстает как свой мир; и тот, и другой воспринимает его живо, непосредственно, очень лично, подчас болезненно.

Создается впечатление, что петербургское пространство, эстетически столь многоплановое, интригующее, в «Выбранных местах» вытесняется, становится для автора-художника периферийным; фантазмагория как форма видения и воссоздания мира отстранена. Ищется некое укрупнение взгляда, своего рода «панорамное зрение», явленное еще древнерусской литературой, но дополненное новым авторским стремлением – сохранить и конкретику жизни, передать точное видение деталей.

Писательский взгляд ищет новые пространства. В Предисловии обозначен вектор «отдаленного путешествия к Святым местам» (VIII, с. 215). Вслед за тем, уже в конкретных главах, разворачивается предстающее все более всеохватным общероссийское пространство (в котором Петербург не более, чем одна из его частей). При том, что Москве в книге будет уделено свое место, на первый план все же выходит провинция, хотя отдаленность упоминаемых мест от столиц, их

² Здесь и далее в тексте **полужирный шрифт** мой. – Е.А.

окраинность не акцентируется; предметом изображения, в сущности, становится Россия как таковая, вместе взятая, а губерния в этом контексте становится главной «коммуникацией» России: в ней может найти выражение существо русской жизни – как измелчание ее, так и не воплощенный пока потенциал.

Тем интереснее проследить, как может быть упомянута в этом контексте петербургская тема. Характеристика общества в главе «Женщина в свете» – содержательно – перекликается с характеристикой Петербурга в повествовательном цикле. Однако в новой книге автор считает нужным иначе выразить свое понимание настоящего, отыскивает другие слова, придавая им оттенок предположительности (в современной жизни фиксируется «какое-то охлаждение душевное, какая-то нравственная усталость». – VIII, с. 224). Петербург в повестях контрастнее, ярче, чем другие города, выражал существо современного мира. В «Выбранных местах» автор готов уловить некое внутреннее душевное томление, неудовлетворенность, таящиеся в глубине жизни, едва проступающие, улавливаемые лишь писательским взглядом и передаваемые с определенными оговорками («...утомленная образованность гражданская <...> какая-то нравственная усталость, требующая оживотворения». – VIII, с. 224). Здесь оспорена или, во всяком случае, поставлена под сомнение универсальная авторская ирония, нашедшая выражение в «петербургских» повестях, некая позиция «всезнания», взгляд со стороны.

Своеобразное вытеснение петербургского начала как образа жизни и мышления, а также как определенного писательского ракурса, фиксирующего, прежде всего, фантасмагорию жизни, осуществляется благодаря смене акцентов. В повестях Гоголя о Петербурге исследователи находят много примет фактической достоверности. Так, «гоголевские зарисовки, – отметил В. М. Маркович, – приближаются к документальным описаниям столицы», но «обнажив – достоверно и наглядно – характерные приметы обыденного существования своих героев, автор повестей внезапно взрывает “нормальный” порядок их жизни, а заодно и законы их фактического правдоподобия» [Маркович, 1989, с. 24]. О. Г. Дилакторская констатирует, что «в фантастическом мире Петербурга одновременно возможны конфликты человека и чина – на социальном уровне, человека и вещи – на бытовом уровне, живого и мертвого – на трансцендентном уровне» [Дилакторская, 1986, с. 142]. По мысли В. Д. Денисова, такая «подчеркнутая раздробленность мира русской столицы должна напоминать о первородном хаосе и тем самым указывать на “последние времена”, приближение конца света» [Денисов, 2018, с. 234]. Не предложив для петербургских сюжетов единого названия, Гоголь все же наделил петербургский мир определенной целостностью. Именуя позднюю книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», писатель допускает фрагментарность повествования (отдельные аспекты жизни, отдельные выбранные места из некоторых писем), но вместе с тем рассчитывает, что читатель уловит авторскую установку на создание целостного текста, в котором будет кое-что предложено даже для предотвращения «конца света».

В этой книге заявлена с самого начала и выдержана до конца установка на взгляды в во внутреннее существо явлений. Должности, сословия, чины

поименованы, но на первом плане оказывается служение, осуществляемое человеком на том или ином «месте», некая духовная миссия, сколь бы незначительным место ни казалось. Одно и то же слово поставлено в разные, но пересекающиеся контексты. Выбранные из жизни «места», на которых возможно осуществлять служение; «выбранные места» из писем, которые представляют разнородную, но объединенную авторским взглядом картину жизни, призваны воплотить мысль о том, что каждое место – поприще. Для «петербургских» повестей был важен статус их героев: коллежский советник, титулярный советник, «значительное лицо». Это логика внешнего мира, и она вытесняется логикой жизни внутренней. Давая название одной из глав «Занимающему важное место», Гоголь ставит акцент на первом слове: в центре внимания – занимающий одно из важных, но, по сути, **не важно**, какое именно место.

Петербургский мир Гоголя – принципиально мужской. Впрочем, это относится, в какой-то степени, и к первым двух циклам – во всяком случае, там мы не найдем разнообразия женских характеров, что давно отмечено исследователями. А вот в «Выбранных местах из переписки с друзьями», словно неизвестно откуда, из каких-то глубин гоголевского сознания, прорастают, появляясь в разных главах, женские характеры, будто собранные из разнообразных запасов культуры: от древнерусского «Домостроя» до немецкого романтизма и даже до феминизма XX в. Но это именно **гоголевские** женские живые души: «женщина в свете», «губернаторша», «жена в простом домашнем быту» (в XXVI-й главе автор заметит: «Целое жемчужное ожерелье их хранит моя память». – VIII, с. 346); при этом, словно продолжая свои размышления 1830-х годов, он и здесь касается вопроса о внутренней двойственности женской природы. Комментируя ранние высказывания Гоголя (в письмах 1829 г.), Ю. В. Манн определяет «диапазон гоголевских переживаний» следующим образом: «От неба, “божества” до преисподней» [Манн, 2004, с. 166]. Характеристику «диапазона существования женского» у писателя дает С. А. Гончаров: «От пародийно-анекдотического модуса до модуса идеально-возвышенного» [Гончаров, 1997, с. 46]. На сквозной мотив женской красоты в творчестве Гоголя обращает внимание С. Г. Бочаров [Бочаров, 2003, с. 15–35]. О «метаморфозах женского» в «петербургских» повестях пишет В. Ш. Кривонос [Кривонос, 2008, с. 201–220].

Высказывания о женщине в одной из первых глав «Выбранных мест», названной «Женщина в свете» (что подтверждает значимость темы для Гоголя), производит впечатление некоего итога, который подводит автор своим прежним размышлениям, нашедшим выражение в повествовательных циклах: «Душа жены – хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дороге, и проводник, возвращающий его с кривой на прямую; и наоборот, душа жены может быть его злом и погубить его навеки <...> Красоты женщины еще тайна» (VIII, с. 224, 226). Поэтому столь настойчиво употребляются в книге 1847 г. понятия «чистоты» и «высшей красоты», словно оберегающие от того потенциала зла, что сопряжен с красотой женщины. Так возникает принципиальный для Гоголя совет: «Но имейте еще высшую красоту, чистую прелесть какой-то особенной, одной вам свойственной

невинности, которую я не умею определить словом, но в которой так и светится всем ваша голубиная душа» (VIII, с. 226), – в том же контексте была названа и «власть чистоты душевной» (VIII, с. 224), несколько смутившая современников соседством слов («чистота» и «власть»).

Гоголь улавливает, быть может, главную для литературного слова трудность, заключающуюся в передаче «чистоты» и «высшей красоты» при создании образа «положительно прекрасного человека». Отказываясь от эстетических форм, уже обеспечивших писателю успех (гротеск, алогизм, комизм; петербургский цикл – едва ли не самое известное создание Гоголя, говоря современным языком – его бренд), автор допускает в повествовании словосочетания неожиданные и потому подчас весьма неоднозначные, даже спорные. Ранее, в петербургском цикле, слово блистательно передавало природу петербургского мира. Новая духовная реальность, которую хотел бы выразить Гоголь в «Выбранных местах», словно не умещается в привычные определения. В древнерусской культуре автор жития, берясь за жизнеописание святого, признавался в своей «неразумности», неспособности найти необходимые слова для воссоздания святости и на определенном этапе развития жанра прибегал к стилю «плетения словес», перебирая, нанизывая друг на друга «словеса», чтобы «узором» своего письма передать особый узор жизни, особую природу чистоты. Писателю XIX в. сделать это сложнее, но, на самом деле, и автор «Выбранных мест» находит слова, которые, не восходя буквально к житийной традиции, передают устремления человека Нового времени, сближая его с литературным героем эпохи, когда светская и церковная культуры еще не отпали друг от друга. Однако передать потребность святости, как и поиск пути к ней, должно слово, близкое человеку «нынешнего времени», а для обретения его, уверен автор, нужно прежде обустроить свою душу: «Кто заключил в душе своей такое небесное беспокойство о людях, такую ангельскую тоску о них <...> у того повсюду поприще, потому что повсюду люди» (VIII, с. 227).

Вряд ли случайно почти сразу за главой «Женщина в свете» помещена глава «О том, что такое слово», где появляется и словосочетание, важное для Гоголя, – «поприще слова», предполагающее не столько сакрализацию слова, сколько восходящее к святоотеческим текстам предостережение о недопустимости щегольства словом, эстетизации его. В следующей главе «Чтения русских поэтов перед публикою» упомянуты «говоруны, способные щеголять в палатах и парламентах» (VIII, с. 233), – в противовес этому «искусное чтение» стихотворений «наших поэтов» должно быть «не крикливое, не в жару и горячке», напротив, оно может быть «даже очень спокойное, но в голосе чтеца послышится неведомая сила...» (VIII, с. 234). В главах, посвященных Церкви, истинное поприще слова фактически уравнивается с поприщем жизни: «Нет, храни нас Бог защищать теперь нашу Церковь! <...> Только и есть для нас возможна одна пропаганда – жизнь наша. Жизнью нашей мы должны защищать нашу церковь, которая вся есть жизнь: благоуханием душ наших возвестить ее истину <...> Не произноси слов [Это призыв к православному «проповеднику католичества восточного». – Е.А.], слышим и без них святую правду твоей Церкви» (VIII, с. 246). В предыдущей главе «Об Одиссее, переводимой Жуковским» о поэзии сказано: «Благоухающими

устами поэзии навевается на души то, чего не внесешь в них никакими законами и никакой властью!» (VIII, с. 244). Поэзия и допускает, и требует «благоухающих уст»; церковь же нуждается в «благоухании души».

В этом контексте понятие «жизнь», достаточно часто употребляемое Гоголем в книге, не случайно сопровождается местоимением «наша», что придает ему некий оттенок интимности и одновременно соборности. «Наша» – отнесено и к церкви, что также приближает уже к **нам** имеющий многовековую историю институт жизни (толкуемый как тело Христово). На «наше» мы не смотрим со стороны; думая и говоря о нем, не испытываем потребности в гротескном слове, столь уместном в отношении Петербурга. Казалось бы, Петербург тоже *наш*, часть нашего исторического бытия, но словосочетание «наш Петербург» не могло появиться ни в повествовательном цикле, ни в более поздней книге. «Наша жизнь» в «Выбранных местах» – не констатация нашей жизни в России (какая еще другая, если речь идет о России?!), а выражение отношения к ней как своей, внутренней, связанной со всей нашей историей, с нашим душевным миром: «нынешние наши чтения», «наши поэты» (VIII, с. 233). А петербургское упоминается чуть ли не походя, попутно, как, например, «глупость петербургской молодежи, которая затеяла подносить золотые венки и кубки чужеземным певцам и актрисам в то время, как в России голодают целиком губернии» (VIII, с. 234). Знаменательно также рассуждение о театре: «Театр и театр – две разные вещи, равно как и восторг самой публики бывает двух родов...» – так «могущественный лицедей» может «потрясающим словом» подымать «выше все высокие чувства в человеке <...> Иное дело – слезы от того, что какой-нибудь заезжий певец расщекотит музыкальное ухо человека, – слезы, как я слышу, проливают теперь в Петербурге и немусыканты; и иное дело – слезы от того, когда живым представленьем высокого подвига человека весь насквозь просвежается зритель...» (VIII, с. 277).

Поэтому, с одной стороны, содержательно усиливается антитеза Петербурга – Москвы (вся Москва, убеждает Гоголь Жуковского, давно ждет его возвращения и его перевод Одиссеи, способный благотворно подействовать и на литературу, и на общество), с другой стороны, антитеза Петербурга и Москвы уже не представляется столь важной, она была эстетически безупречно и вполне выражена в предыдущее десятилетие («Петербургские записки 1836 года»).

Константы русского мира: «наша Церковь» как «примиритель всего внутри самой земли нашей» и Москва как «родная своя семья» (VIII, с. 283–284) – концептуально заявлены в XVII-ой, расположенной в центре книги главе, названной «Просвещение». В «один узел», говоря гоголевским словом, увязаны здесь основные вопросы, поднятые в «Выбранных местах». Именно в этой главе находим авторское признание: «По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу церковь, не испросив у нее на то благословения. Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит она их светом Христовым» (VIII, с. 284). История христианской церкви, распадение ее на две ветви, восточную и западную, видится как исполнение «мудрости Божьей, попустившей временному разделению

церквей, повелевшей одной стоять неподвижно и как бы вдали от людей, а другой – волноваться вместе с людьми; одной – не принимать в себя никаких нововведений, кроме тех, которые были внесены святыми людьми лучших времен христианства и первоначальными Отцами Церкви, другой – меняясь и применяясь ко всем обстоятельствам времени, духу и привычек людей, вносить все нововведения, сделанные даже порочными несвятыми епископами...» (VIII, с. 284). Развивая эту мысль, Гоголь сравнивает восточную церковь с евангельской Марией, которая предпочла, «отложивши все попеченья о земном, поместиться у ног Самого Господа, затем, чтобы лучше наслушаться слов Его, прежде чем применять и передавать их людям», западную же – с Марфой, которая начала «гостеприимно хлопотать около людей, передавая им еще не взвешенные всем разумом слова Господни» (VIII, с. 284). Две ветви христианства оттеняют друг друга [см. об этом: Дмитриева, 2011, с. 271–305], и человеку, в эпоху **«временного разделения церквей»**, вновь дана возможность выбора. Выбор же самого Гоголя проступает в характере пересказа евангельского сюжета о Марии и Марфе. Но, не вступая в полемику с кем-либо из современников, он напоминает, что само слово «просвещение» было «взято из нашей церкви», обращая внимание на словосочетание из литургического контекста – «Свет просвещенья» (ср. также в Евангелии от Иоанна: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир». – Ин. 1, 9).

Известно гоголевское определение просвещения: «Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь» (VIII, с. 285), – и оно, действительно, оказывается полемическим по отношению к просветительским практикам культуры предыдущего столетия – прежде всего, западным. Поэтому антитеза русского и западного миров, хотя и без славянофильской категоричности, оказывается неизбежной в «Выбранных местах». Может быть, это даже не антитеза, а соотношение; выражение неизбежного для русского сознания сопоставления.

Глава «Страхи и ужасы России» может восприниматься как отклик на витающий в обществе порыв «убежать из России». – «Но куда бежать?» – вопрошает автор и обращает взор к Европе, «которой пришлось еще трудней, чем России» (VIII, с. 343). Любопытно, что западный мир, очерченный Гоголем, в чем-то оказывается похож на мир петербургский. Запад пребывает в «заколдованном круге познаний, который нанесен журналами в виде скороспелых выводов»; все приходят «в смущенье от окружающих беспорядков» вместо того, чтобы «заглянуть <...> в свою собственную душу»; «нынешнее время трудных обстоятельств» – это время «повсеместной ничтожности общества» (VIII, с. 343, 345, 346).

В данном контексте и происходит смена вектора путешествий, давно сложившегося, сохраняющего свою актуальность в русском культурном сознании и подсказывающего ответ на вопрос: куда бежать? Поездки «в чужие края» во второй половине XVIII в. и первой половине XIX в. нашли выражение

в многочисленных и разнообразных травелогах. Сам отправившийся в 1836 г. в «чужие края», находящийся в «прекрасном далеке» и во время создания «Выбранных мест», Гоголь предлагает другой тип «путешествий»: и по России, и внутрь самого себя. «Чтобы узнать, что такое Россия нынешняя, нужно непременно по ней проездиться самому», не веря «слухам», «сплетням», «поверхностным выводам», «односторонним и ничтожным заключениям» (VIII, с. 303). В европейских путешествиях русские путешественники изучали «древности и примечательности», но в наших уездных и губернских городах достопримечательности «не в архитектурных строениях и древностях, а в людях» (VIII, с. 303). Потому принципиально меняется не только направленность, но и природа авторского взгляда – «нужно любить Россию». Автор явно имеет намерение изменить и самоощущение русского человека: «Не бежать на корабле из земли своей, спасая свое презренное имущество <...> должен всяк из нас спасать себя самого в самом сердце государства» (VIII, с. 344). Вместо раздробленности петербургского мира ожидается и создаваемым текстом творится иная реальность, когда смогут сказать «все до единого <...> в один голос: “Это наша Россия, нам в ней приятно и тепло, и мы теперь действительно у себя дома, под своей родной крышей, а не на чужбине”» (VIII, с. 409).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анненкова, Е. И. «Рим» и «Выбранные места из переписки с друзьями» : от римского текста к русскому / Е. И. Анненкова // Творчество Гоголя в контексте европейских культур. Взгляд из Рима. 17-е Гоголевские чтения : Сборник научных статей. – Москва; Новосибирск : Новосибирский издательский дом, 2018. – С. 52–62.

Бочаров, С. Г. «Красавица мира». Женская красота у Гоголя / С. Г. Бочаров // Гоголь как явление мировой литературы. – Москва : ИМЛИ РАН, 2003. – С. 15–35.

Гончаров, С. Г. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте / С. Г. Гончаров. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена, 1997. – 340 с.

Денисов, В. Д. Петербургский текст Гоголя / В. Д. Денисов. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – 384 с.

Дилакторская, О. Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя / О. Г. Дилакторская. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1986. – 195 с.

Дмитриева, Е. Е. Н. В. Гоголь в западноевропейском контексте : между языками и культурами / Е. Е. Дмитриева. – Москва : ИМЛИ РАН, 2011. – 292 с.

Кривонос, В. Ш. Повести Гоголя : пространство смысла / В. Ш. Кривонос. – Самара : СамПГУ, 2006. – 442 с.

Манн, Ю. В. Гоголь. Труды и дни. 1809–1845 / Ю. В. Манн. – Москва : Аспект-пресс, 2004. – 813 с.

REFERENCES:

Annenkova, E. I. «Rim» i «Vybrannye mesta iz perepiski s druž'yami» : ot rimskogo teksta k russkomu / E. I. Annenkova // *Tvorchestvo Gogolya v kontekste evropejskih kul'tur. Vzglyad iz Rima. 17-e Gogolevskie chteniya* : Sb. nauch. statej. – Moskva; Novosibirsk : Novosib. izd. dom, 2018. – S. 52–62.

Bocharov, S. G. «Krasavica mira». ZHenskaya krasota u Gogolya / S. G. Bocharov // *Gogol' kak yavlenie mirovoj literatury*. – Moskva : IMLI RAN, 2003. – S. 15–35.

Denisov, V. D. Peterburgskij tekst Gogolya / V. D. Denisov. – Sanct-Peterburg : Nestor-Istoriya, 2018. – 384 s.

Dilaktorskaya, O. G. Fantasticheskoe v «Peterburgskih povestyah» N. V. Gogolya / O. G. Dilaktorskaya. – Vladivostok : Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 1986. – 195 s.

Dmitrieva, E. E. N. V. Gogol' v zapadno-evropejskom kontekste : mezhdru yazykami i kul'turami / E. E. Dmitrieva. – Moskva : IMLI RAN, 2011. – 292 s.

Goncharov, S. G. Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste / S. G. Goncharov. – Sanct-Peterburg : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 1997. – 340 s.

Krivosos, V. Sh. Povesti Gogolya : prostranstvo smysla. – Samara : SPBGU, 2006. – 442 s.

Mann, Yu. V. Gogol'. Trudy i dni. 1809–1845 / Yu. V. Mann. – Moskva : Aspekt-press, 2004. – 813 s.